

«Когда сегодня спрашивают отчество, мне становится неловко»

Экран и сцена. — 1992. —
20-27 авг. — с. 15.

Известно, что популярность актеру приносит кино. «Городской романс», «Молодые», «Романс о влюбленных» — двадцать лет назад эти фильмы, рассказывавшие о любви, достучались до сердец многих. Их посмотрело огромное количество зрителей, которые открыли для себя новое имя — Евгений Киндинов. Потом у актера было множество других работ, но запомнился и полюбился он по этим, первым. А как только стал сниматься реже, посыпались вопросы: куда пропал!

— Как и прежде, играю во МХАТе имени А. Чехова. Последние работы в пьесе современного шведского драматурга П. У. Энквиста «Из жизни дождевых червей», где моими партнерами стали Екатерина Васильева и Станислав Любшин, и в «Трагиках и комедиях» Владимира Арро. Недавно был на гастролях в Германии, куда мы возили нашу «Чайку». Играли в старинном университетском городке Геттингене (помните, у Пушкина: «...Владимир Ленский с душою прямо геттингенской») и Брауншвейге. Еще раз убедились, что российская театральная школа обладает несомненным авторитетом в Европе. Принимали нас сердечно, искренне, отнеслись к нашей работе с большим уважением.

Сегодня репетирую роль в спектакле художественного руководителя театра Олега Ефремова «Горе от ума».

— Евгений Арсеньевич, вы работаете в одном театре вот уже 25 лет. Чем объяснить такое постоянство в наше непостоянное время?

— Дело в том, что я закончил Школу-студию МХАТа и сразу же пришел сюда. Однажды мне пришлось заменить Олега Дала в спектакле театра «Современник» «На дне». Я играл ту же роль — Васю Пепла — во МХАТе, и, когда Дали и Кваша заболели, Ефремов пригласил меня и Грибова, игравшего Луку, в свой спектакль, чтобы не отменять его. Тогда я действительно хотел перейти в «Современник», но получилось иначе. Не Магомет пришел к горе, а гора к Магомету. Ефремов возглавил МХАТ, и я остался. Правда, не порывая с Художественным театром, не один сезон работал в Театре имени Моссовета, играл Дмитрия в спектакле «Братья Карамазовы». Но и во МХАТе работа была всегда: «Иванов», «Чайка», «Варвары», современные пьесы.

Время летело незаметно. 25 лет прошло — думаю с ужасом. Когда сегодня спрашивают отчество, мне становится неловко: Жена и все.

— Как вы сегодня относитесь к

своим героям из «Городского романса», «Молодых», «Романса о влюбленных»? Как бы эти картины, на ваш взгляд, восприняли сегодняшние молодые, будь они показаны?

— Многие человеческие, душевные качества моих киногероев — достоинство, способность глубоко чувствовать и воспринимать мир, не размениваясь на мелочи, иметь ясную цель — не утратили ценность и сегодня. Так случилось, что мне приходилось играть людей духовно цельных, нераздроганных, что ли? Сейчас это очень нужные качества: опасность, которая подстерегает всех нас, внутренняя неуверенность в себе. Душевные силы особенно нужны сегодня, мои герои не растерялись бы.

Правда, если бы эти картины вышли в прокат сейчас, не уверен, что они имели бы успех. Думаю, многие зрители просто ушли бы из зала, сказав: какая скукота, нет голых, мало драк, никто никого не убивает. А тогда нам приходилось отстаивать даже крохотный кусочек в «Романсе о влюбленных», где — помните? — моя партнерша Лена Коренева купалась в озере.

— Вам приходилось играть секретаря парткома в «Обратной связи» Александра Гельмана и роль в его же пьесе «Заседание парткома». Что дали вам эти работы как актеру?

— Как актеру не так уж много. Правда, считается, что хороший актер способен сыграть и телефонный справочник. «Старики» Художественного театра играли Соболева и Корнейчука, но при этом Грибов оставался Грибовым, а Ливанов — Ливановым. Конечно, прокрустово ложе этих ролей не давало им возможности раскрыться так, как Грибову — в Чебу-тыкине, а Ливанову — в Ноздре, но калибр артистов чувствовался.

Сам Гельман говорил, что будет рад, если его пьесы перестанут оставаться злободневными. Ведь острейшим была борьба с административно-командной системой в экономике, а эта проблема в основном решена. Как человека меня пьесы Гельмана за-

ставляли задумываться о нелепости и бессмысленности происходившего: тогда газеты об этом почти не писали. Переживая экономические сложности сегодня, я понимаю, что обратной дороги нет, старая система, построенная на приказе, унижении, отсутствии инициативы, глупа и неразумна, лишена перспектив.

— Как живет актеру театра сегодня? Есть ли гарантии социальной защищенности?

— Никаких. МХАТ — бюджетная организация, дотационный репертуарный театр, а театральное дело — убежден — в принципе не может быть прибыльным. Цены подскочили, субсидии остались прежними. Поэтому мыкаемся, ищем контакты с бизнесменами. Молодым актерам сложнее. Стараемся в первую очередь помогать им, чтобы не разбежались по всяким халтурам.

— Как складываются ваши отношения с кино? Есть интересные предложения?

— Были. Правда, тогда со здоровьем у меня было не все в порядке. Да и, честно сказать, жду, пока осядет пена, спадет волна безудержного коммерческого кинематографа, перестанут наконец клепать фильмы на «жареные» темы с известными актерами. Не очень хочется влезать в такие работы. Как-то вместе с Сергеем Аполлинарьевичем Герасимовым мы были в Париже, посмотрели множество фильмов, которые у нас просто не могли быть показаны. Он сказал тогда: «Чувствую, как у меня сбивается мушкетер». Как это важно сегодня, чтобы не сбился мушкетер...

— Что для вас имеет значение, когда даете согласие сниматься?

— Режиссер. Ориентируюсь и на актерскую команду. Всегда интересуюсь, кого еще, кроме меня, пробуют? Сегодня, чего греха таить, немаловажный критерий — деньги. Когда недавно мне предложили за небольшую эпизодическую роль столько, сколько я не заработал за всю свою жизнь, если сложить все мои гонорары за двадцать лет, я согласился и сыграл.

— Что за роль?

— Неважно, какой-то сомнительный банкир.

— Как называется фильм?

— Тоже неважно. Стараюсь нечасто попадаться на эту золотую удочку, но... Когда был молодым двадцатилетним артистом, вопрос денег передо мной не стоял. Сыграл первую главную роль в фильме Маноса Захариаса «Каратель», получая 16,50 за съемочный день. Сейчас, когда у меня растет дочка, ей скоро идти в школу, многое изменилось. Замечательная детская армянская писательница Ричи Достян сказала: взрослым кажется, что всем хорошим, что есть в детях, дети обязаны родителям — на самом деле наоборот. Дети учат нас бескорыстия, верности, умению любить, замечать хорошее. Я поражаюсь неприхотливости наших детей, особенно после зарубежных гастролей. В нашем замусоренном дворе у Киевского вокзала, куда приходят пить пиво, бросают все, вплоть до консервных банок и пустых водочных бутылок, они играют, веселятся, находят для себя радости, не жалуясь на жизнь. Взрослых окружающее угнетает, а их нет.

— А как ощущаете себя сегодня вы?

— Я, по выражению Владимира Максимова, сторонник малых дел. Побольше бы нашему правительству обращать внимание на то, что творится в Москве, с конкретным детским домом, как обстоят дела с чистотой в городе. Это замечательно, что они находят время играть в футбол и моржеваться. Но почему я не читаю в газетах и не слышу, что они посетили детский дом и пожертвовали на него деньги? Речь идет только об иностранной помощи. А ведь о детях нужно подумать в первую очередь, если мы хотим, чтобы будущее наше пришло к нам быстрее. Побольше конкретных дел — скорей проводить реформы, не тянуть. Ведь каждый день сегодня дается людям тяжелым трудом и потом.

Беседу вел
Марина ПОРК.

